

УДК 339.9:044.922

ДИАЛЕКТИКА ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Горда О. С., Горда А. С.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Российская Федерация

E-mail: alx27777@mail.ru

Изучены теоретико-методологические подходы к структуризации современной мировой экономической системы. Определены ключевые тенденции и факторы мирового экономического развития, среди которых выделены инновационно-технологическое развитие, международная миграция капитала, обеспеченность и эффективность использования природных ресурсов, международная миграция населения. Исследованы предпосылки и перспективы геоэкономических трансформаций мировой экономики в XXI веке по основным элементам национального богатства как основы и индикатора места отдельной страны в мир–системной матрице. Обоснована их недостаточность для изменения соотношения сил в глобальной экономической системе, состава и границ концентрических кругов мир–системного порядка организации мировой экономики.

Ключевые слова: мировая экономика, мир–система, инновации, технологии, инвестиции, трудовые ресурсы, человеческий капитал, природные ресурсы, геоэкономические трансформации.

ВВЕДЕНИЕ

На современном этапе развития мировая экономика находится на своеобразном распутье. Значительное количество эволюционно сложившихся экономических диспропорций критически приблизило ее к точке бифуркации, а текущий биоэкономический кризис стал дополнительным фактором турбулентности, способным как продвинуть ее на следующую качественную ступень развития, так и отправить на новый круг эволюции. Вместе с тем одним из наиболее обсуждаемых аспектов дальнейшего развития глобальной экономической системы является ожидаемое распределение сил между основными игроками глобального рынка, перспектива их перемещения между концентрическими кругами мир–системы.

Конструкцию современной мировой экономики сторонники мир–системного подхода рассматривают как систему «концентрических кругов», а именно: ядро, полупериферия, периферия. Ядро образует совокупность наиболее развитых государств. Далее следует круг стран–претендентов на быстрое вхождение в техносферу по уровню развития или важности выполняемых функций, за ними – государства, являющиеся источниками энергоресурсов и сырья и другие страны.

Например, О. А. Арин, исследуя структуру мира, сложившуюся на рубеже XX–XXI вв., предлагает рассматривать:

1) «Первый мир», включающий развитые страны (так называемый «золотой миллиард»), географически охватывающий три зоны: Северную Америку, Западную Европу и Японию;

2) «Второй мир», в состав которого входят Китай, Индия и постсоциалистические страны бывшего советского блока;

3) «Третий мир» – развивающиеся страны, функционирующие на основе

сочетания элементов феодализма и капитализма [1].

В то же время постоянства взглядов на распределение стран между концентрическими кругами мир–системы нет. Круг стран полупериферии определен в наименьшей степени, к тому же отсутствует единое видение траектории их дальнейшего перемещения между концентрическими кругами и перспектив социально-экономического развития. Поэтому существует востребованность дальнейших исследований предпосылок, динамики и перспективных направлений трансформационных процессов в развитии мировой экономической системы.

Цель статьи – определение перспектив и направлений геоэкономических трансформаций в XXI в. на основе оценки вероятности изменения состава и границ концентрических кругов мир–системного порядка организации мировой экономики.

ОСНОВНОЙ МАТЕРИАЛ

Для достижения поставленной цели исследования за основу базового распределения стран между концентрическими кругами, с нашей точки зрения, целесообразно взять уровень среднедушевого дохода. Во–первых, такое распределение соответствует требованиям мир–системного подхода, иллюстрируя разный социально-экономический и ресурсный потенциал развития стран. Во–вторых, он позволяет воспользоваться статистическим данным Всемирного банка, методике которого все страны по показателю среднедушевого дохода делятся на страны с низким доходом, доходом ниже, выше среднего и высоким доходом. В–третьих, распределение богатства между странами характеризуется значительной диспропорцией и является сравнительно стабильным во времени [2, с. 45], одновременно представляя собой аргумент в пользу деления мира на ядро, периферию и полупериферию и свидетельствуя об ограниченных возможностях для перемещения стран между указанными группами.

Согласно методике Всемирного банка, оценка богатства (как предпосылки и индикатора принадлежности страны к тому или иному концентрическому кругу) происходит по следующим составляющим: капитал, природные ресурсы, человеческие ресурсы, чистая стоимость зарубежных активов [2, с. 28]. Благодаря такому разделению представляется возможным отследить вероятное перемещение стран между концентрическими кругами, дополнив его информацией и технологиями. Именно эти ресурсы в XXI в. характеризуются высокими нормами отдачи.

Делягин М. Г. предлагает собственную концепцию мирового порядка, основанную на пятиуровневой технологической пирамиде: на первой (самой высокой) ступени пирамиды находятся управленческие технологии, задачей которых является формирование сознания множества экономических акторов; на второй – производственные технологии для реализации на практике технологических решений более высокого порядка; на третьей – потребительские товары, оборудование и услуги, поставляемые на открытый рынок; на четвертой – сложные однородные товары; на пятой – однородные «биржевые» товары сырьевого характера [3]. Каждая из этих технологий соответственно предусматривает разные уровни

отдачи на ресурс. Например, Шишков Ю. В. указывает, что продажа на мировом рынке одного килограмма сырой нефти приносит 2–2,5 цента прибыли, вместе с тем килограмм бытовой техники – 50 долл. США, килограмм авиационной техники – 1 тыс. долл. США, а килограмм электроники и информационной техники – до 5 тыс. долл. США [4, с. 155–156].

Приведенная статистика удачно иллюстрирует барьер, возникающий между странами владельцами технологий разного уровня, закрепляя их в различных концентрических кругах мир–системы. Ю. Павленко отмечает, что «как лидер в разработке новейших электронных и других технологий развитые страны Запада сегодня обеспечили себе почти монопольное право формирования информационных потоков и контроля над ними. Производя новейшие производственные технологии, они реализуют на мировом рынке товары лучшего качества и успевают обновить свою технологическую базу и наладить выпуск нового поколения товаров до того, как в остальных странах успеют достичь и реализовать эти их стандарты» [5, с. 105] и сформировать хотя бы минимальную угрозу доминирующему положению развитых стран на рынках высокотехнологичной продукции.

В определённой степени оценить уровень инновационного развития той или иной страны позволяет Глобальный индекс инноваций (The Global Innovation Index). Он совместно определяется Всемирной организацией интеллектуальной собственности, Корнельским университетом и Международной бизнес–школой INSEAD. Данный показатель даёт возможность составить рейтинг стран мира в зависимости от уровня инновационно-технологического развития их национальных экономик. Расчет The Global Innovation Index производится с 2007 г. на основе комплексного перечня критериев и показателей, характеризующих уровень инновационного развития стран по 80 разнообразным переменным.

Авторы данного исследования придерживаются точки зрения, что успешность и результативность экономической системы государства связана, как с наличием потенциала инновационного развития, так и с условиями для его эффективной реализации. Соответственно Индекс рассчитывается как взвешенная сумма оценок двух категорий показателей: имеющиеся ресурсы и условия для разработки и внедрения инноваций (Innovation Input) и полученные практические результаты инновационной деятельности (Innovation Output). Другими словами, The Global Innovation Index показывает соотношение объёмов затрат и полученного результата, что даёт возможность оценить уровень эффективности мер стимулирования инновационного развития. Страны с наиболее высоким Индексом демонстрируют удивительную стабильность в данном направлении (табл. 1).

Анализ состава лидеров рейтинга стран по Глобальному индексу инноваций в 2019 г. в сравнении с 2013 г. показывает, что 18 стран из числа 20 лидеров в 2013 г. сохранили свои позиции в ТОП–20 и в 2019 г. Такая высокая стабильность может быть объяснена тем фактом, что высокий уровень инновационного развития обуславливает цепную реакцию. При накоплении определённого критического объёма инвестиции начинают привлекать новые инвестиции, таланты привлекают таланты, а технологии и инновации порождают новые технологии и инновации [6, с. 101].

Таблица 1

ТОП–20 стран по Глобальному индексу инноваций

№	Страна	2013	№	Страна	2019
1	Швейцария	66,6	1	Швейцария	67,2
2	Швеция	61,4	2	Швеция	63,7
3	Великобритания	61,2	3	США	61,7
4	Нидерланды	61,1	4	Нидерланды	61,4
5	США	60,3	5	Великобритания	61,3
6	Финляндия	59,5	6	Финляндия	59,8
7	Гонконг	59,4	7	Сингапур	58,4
8	Сингапур	59,4	8	Дания	58,4
9	Дания	58,3	9	Германия	58,2
10	Ирландия	57,9	10	Израиль	57,4
11	Канада	57,6	11	Южная Корея	56,6
12	Люксембург	56,6	12	Ирландия	56,1
13	Исландия	56,4	13	Гонконг	55,5
14	Израиль	56,0	14	Китай	54,8
15	Германия	55,8	15	Япония	54,7
16	Норвегия	55,6	16	Франция	54,2
17	Новая Зеландия	54,5	17	Канада	53,9
18	Южная Корея	53,3	18	Люксембург	53,5
19	Австралия	53,1	19	Норвегия	51,9
20	Франция	52,8	20	Исландия	51,5

Составлено авторами на основе [7, 8]

Такая стабильность одновременно является подтверждением ограниченности возможностей для стран периферии и полупериферии войти в состав мир–системного ядра, по крайней мере по индикатору инновационно-технологического развития, как это удалось сделать Китаю. Для этого следует критически повысить инвестиции в НИОКР. Страны–лидеры инновационного рейтинга тратят на НИОКР не менее 2 % ВВП (табл. 2), что составляет 32 млрд долл. США в Южной Корее, 410 млрд долл. США в США. Даже страны БРИКС (за исключением Китая) не преодолевают этот барьер и даже не приближаются к нему, не говоря уже о других странах периферии и полупериферии. Это в свою очередь ставит под сомнение возможности соответствующих государств в ближайшие десятилетия нарушить инновационное и технологическое доминирование стран ядра и изменить глобальную геоэкономическую диспозицию.

Если накануне Первой мировой войны 2/3 всех инвестиций направлялись из развитых стран в их колонии, то уже в 1990–х годах 3/4 всех накопленных инвестиций составляли перекрестные капиталовложения развитых стран [9, с. 84]. То есть капитал оборачивается, прежде всего, внутри ядра мир–системы, не обогащая

страны периферии или полупериферии, не обеспечивая их ресурсами для прорыва к смежному концентрическому кругу.

Таблица 2

ТОП–20 стран по объёмам расходов на НИОКР, в % к ВВП

Страны	2000	2005	2010	2014	2015	2016	2017	2018
Израиль	3,9	4,1	3,9	4,2	4,3	4,3	4,8	5,0
Южная Корея	2,2	2,6	3,5	4,3	4,2	4,2	4,6	4,8
Швеция	–	3,4	3,2	3,1	3,3	3,3	3,4	3,3
Япония	2,9	3,2	3,1	3,4	3,3	3,1	3,2	3,3
Австрия	1,9	2,4	2,7	3,1	3,0	3,1	3,1	3,2
Германия	2,4	2,4	2,7	2,9	2,9	2,9	3,0	3,1
Дания	–	2,4	2,9	2,9	3,0	2,9	3,0	3,1
Финляндия	3,2	3,3	3,7	3,2	2,9	2,7	2,8	2,8
США	2,6	2,5	2,7	2,7	2,7	2,7	2,8	2,8
Бельгия	1,9	1,8	2,1	2,4	2,5	2,5	2,7	2,8
Франция	2,1	2,1	2,2	2,3	2,3	2,2	2,2	2,2
Китай	0,9	1,3	1,7	2,0	2,1	2,1	2,1	2,2
Нидерланды	1,8	1,8	1,7	2,0	2,0	2,0	2,0	2,2
Норвегия	–	1,5	1,6	1,7	1,9	2,0	2,1	2,1
Исландия	2,6	2,7	–	2,0	2,2	2,1	2,1	2,0
Словения	1,4	1,4	2,1	2,4	2,2	2,0	1,9	1,9
Чехия	1,1	1,2	1,3	2,0	1,9	1,7	1,8	1,9
Великобритания	1,6	1,6	1,7	1,7	1,7	1,7	1,7	1,7
Канада	1,9	2,0	1,8	1,7	1,6	1,6	1,7	1,6
Венгрия	0,8	0,9	1,1	1,4	1,4	1,2	1,3	1,6

Составлено авторами на основе [10]

Процесс глобализации имеет неоднозначное влияние на национальные экономические системы вследствие объективной обусловленности, цикличности и необратимости данного процесса, сопровождающегося усилением конкурентной борьбы за капитал на мировом рынке. При этом объективный характер экономического механизма глобализации приводит к трансформации характеристик последней: так, хотя свободное перемещение капитала должно стимулировать развитие производственных сил, данный процесс приводит к формированию мирового спекулятивного капитала; международные организации, которые выражают экономические и политические интересы ведущих государств мира, реализуют экономическую политику, которая может не соответствовать интересам национальной экономики и т. д.

В условиях глобальной нестабильности мировой экономики, проявлений циклических финансовых потрясений глобализация выступает действенным рычагом защиты ПИИ от резких изменений на рынке международного инвестирования. При этом наблюдается значительное влияние глобальных трансформационных сдвигов в перераспределение рынков международного инвестирования: во-первых, при сохранении лидерства развитых стран в инвестиционном развитии значительно изменилась география ПИИ в пользу развивающихся стран; во-вторых, наблюдаются сложные периоды перераспределения притока ПИИ между развитыми странами и развивающимися странами в рамках глобальных инвестиционных волн.

Лидером в привлечении иностранного капитала и основной движущей силой мировой либерализации, в частности финансовой, выступают США. Одновременно в мире происходит смена парадигмы инвестиционных процессов, при которой доминирующим мотивом иностранного инвестирования становится укрепление самодостаточности экономик европейских стран. В результате в нестабильной международной инвестиционной среде европейская экономика является более устойчивой по сравнению с другими регионами, и соответственно – более привлекательной для стратегического инвестора.

В условиях неустойчивых тенденций глобального инвестирования растут объемы привлечения инвестиций в АТЭС, БРИКС, НАФТА, АСЕАН, МЕРКОСУР. Меняется направленность потоков прямых иностранных инвестиций между регионами, в частности заинтересованность в их оживлении проявляют страны Азии. Инвестиционно привлекательными секторами являются сфера услуг, нефтегазовый сектор, фармацевтическая, химическая и пищевая промышленность, микроэлектроника и биотехнологии, развитие искусственного интеллекта. Также страны заинтересованы в привлечении ПИИ в сектора, связанные с достижением целей устойчивого развития, в частности для развития инфраструктуры.

В целом, следует отметить, что в XXI в. наблюдается постепенное возрастание роли развивающихся стран в международном движении капитала. Существенный рост демонстрируют одновременно и входные, и выходные капитальные потоки для развивающихся стран. Такой характер международного движения капитала объясняется по крайней мере двумя ключевыми факторами: большими темпами развития экономик периферии и полупериферии по сравнению со странами ядра; институциональной слабостью стран периферии и полупериферии.

Рост уровня и качества жизни в развитых странах мир-системного ядра в течение XX в. негативно повлиял на динамику их экономического развития – увеличение стоимости рабочей силы, рост социальных стандартов, установление высоких экологических стандартов заставляли компании выносить производства за пределы стран ядра – в страны периферии и полупериферии. Это обеспечивало приток автономных инвестиций в экономики этих стран и стимулировало ускорение темпов их экономического роста, что, в свою очередь, стимулировало приток индуцированных инвестиций, подпитывая еще в большей степени усиление их экономик. Как следствие, с начала 2000-х гг. наблюдается системное преобладание темпов экономического роста в странах периферии по сравнению со странами ядра,

не говоря уже о странах полупериферии, для которых традиционно характерны более высокие темпы экономического роста [11].

С нашей точки зрения, в течение XXI века следует ожидать продолжения этой тенденции с постепенным выходом на первое место по темпам экономического роста стран периферии, которые будут опережать уже не только страны ядра, но и страны полупериферии. В последних после кризиса восстановление экономического роста и связанный с этим рост благосостояния населения постепенно будет обуславливать удорожание производства, замедлять темпы экономического роста, стимулируя изменение вектора движения капитала в сторону стран периферии, объясняя в целом растущую динамику входного потока капитала в страны периферии и полупериферии.

Второй из факторов детерминации векторов международного движения капитала – институциональная слабость стран периферии и полупериферии – объясняет действие так называемого парадокса Лукаса, который указывает на движение капитала из стран периферии в страны ядра, несмотря на низкие процентные ставки в последних. Это можно объяснить, во-первых, множеством рисков, с которыми сталкиваются инвесторы в странах периферии, начиная от коррупции и заканчивая неразвитой инфраструктурой, что является фактором нивелирования номинально высоких процентных ставок по капиталу и заставляет инвесторов диверсифицировать свои вложения, реэкспортируя избыток капитала обратно в развитые страны.

Во-вторых, неразвитость финансовых рынков как отдельного элемента рыночной инфраструктуры затрудняет реинвестирование в экономики развивающихся стран, что также стимулирует обратный поток капитала. Если к этому добавить сравнительно высокие доли сбережений в структуре используемого дохода для развивающихся стран в сравнении с развитыми, то становится понятным стремительный рост не только входящего, но и исходящего потока прямых иностранных инвестиций, который по абсолютному значению почти достиг аналогичный индикатор для развитых стран.

Если же еще учесть движение портфельных инвестиций, которые еще более чувствительны к рискам, чем прямые инвестиции, и требуют наличия эффективного финансового рынка, то становится очевидным, что обуславливает чистое движение капитала от стран периферии в страны ядра, усиливая монолитность последнего. Следовательно, по этому критерию, как и по инновационно-технологическому, перспективы нарушения мир-системного устройства мировой экономики в XXI в. достаточно призрачны и маловероятны.

Еще одной составляющей национального богатства являются природные ресурсы. Экономическое развитие в XX в., рост благосостояния населения развитых стран, снижение уровня бедности в развивающихся странах сопровождалось стремительным ростом объемов использования ресурсов – биомассы, топлива, минералов, представляя собой еще один драйвер глобального экономического роста наравне с финансовым капиталом. Ежегодное использование природных материальных ресурсов еще в 2010 г. увеличилось до более 70 млрд т по сравнению с 23,7 млрд т в 1970 г. [12, с. 31].

Потребление ресурсов в разных странах имеет различную интенсивность, в целом соответствуя концепции концентрических кругов. Об этом свидетельствует статистика экологического следа (индикатора, характеризующего спрос человеческой популяции на природный капитал) различных стран, который иллюстрирует, что в странах Северной Америки ежегодный экологический след составляет около 25 т на душу населения, в Западной Европе – 20 т на душу населения, странах Восточной Азии и Океании, Латинской Америки – 9–10 т на душу населения, странах Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии – 7,5 т на душу населения, странах Африки – менее 3 т на душу населения [12, с. 16–17].

Обратная ситуация с добычей природных ресурсов. В течение 1970–2010 гг. доля ресурсов, добытых в развитых странах Северной Америки, Западной Европы и даже Восточной Европы и постсоветских странах, сократилась, а соответствующая доля в развивающихся странах, прежде всего, в странах Восточной Азии и Океании, стремительно выросла (табл. 3). В Китае и Индии чистый экспорт природных ресурсов является отрицательным, однако для большей части развивающихся стран такое условие не выполняется. Их природные ресурсы по низким сырьевым ценам экспортируются для дальнейшей переработки и потребления в развитых странах, и эта тенденция имеет стабильный и устойчивый характер [12, с. 56].

Таблица 3

Динамика географической структуры добычи природных ресурсов, %

Регион	1970	2010
Западная Европа	20,9	10,5
Восточная Европа, Кавказ и Центральная Азия	14,7	5,8
Ближний Восток	3,2	3,4
Восточная Азия и Океания	24,3	52,9
Африка	7,9	7,0
Северная Америка	19,6	9,7
Латинская Америка	9,4	10,7

Составлено авторами на основе [12]

Даже в случае, когда первичная переработка происходит в странах добычи, технологическое отставание таких стран обуславливает сравнительно низкую эффективность использования природных ресурсов. Средняя материалоемкость ВВП стран Северной Америки и Западной Европы вдвое ниже, чем общемировой уровень данного индикатора, а для развивающихся стран – в 1,5–2,5 раза превышает среднемировой уровень [12, с. 71], фиксируя роль соответствующих стран в мир–системном порядке.

С нашей точки зрения, вряд ли есть основания ожидать изменений такого порядка в ближайшем будущем. Результаты анализа динамики структуры ВВП соответствующих стран свидетельствуют о росте доли ресурсной ренты в структуре ВВП стран с низким среднедушевым доходом с 4 % в середине 1970–х до 11 % в 2017 г. [13], а, следовательно, о их все большей их зависимости от торговли ресурсами.

Поскольку в основном речь идет об исчерпаемых ресурсах, запасы которых в мире стремительно сокращаются (например, ожидается, что разведанных ресурсов нефти хватит на 65 лет, природного газа – на 67 лет., железной руды – на 72 года, медной руды – на 53 года и т. д. [12, с. 35]), что заставляет производителей переходить на менее материалоемкие технологии и технологии производства из возобновляемых ресурсов, то в XXI в. эти страны потеряют свое основное конкурентное преимущество, увеличивая отрыв от мир–системного ядра, укореняя и усиливая имеющиеся геоэкономические диспропорции.

Еще одним базовым ресурсом, определяющим богатство наций, является человеческий ресурс. Именно он выступает доминирующей составляющей национального богатства в современном мире. Исключением являются лишь страны с низким доходом на душу населения, где его опережают природные ресурсы, однако даже здесь доля человеческого капитала в национальном богатстве составляет более 40 %. В странах ОЭСР с высоким уровнем дохода на душу населения его доля в национальном богатстве достигает 70 % [14].

Такой разрыв между капитализацией рабочей силы в странах ядра и периферии, прежде всего, обусловлен ее высоким качеством, что в сочетании с технологиями обеспечивает большую отдачу на ресурс по сравнению с аналогичным показателем для густонаселенных развивающихся стран. По данным ООН, из двух детей, родившихся в 2000 г.: в развитой стране с очень высоким уровнем человеческого развития и развивающейся стране с низким уровнем человеческого развития, первый ребенок имеет шанс в 50 % стать студентом учреждения высшего образования, вместе с тем второй с вероятностью 17 % не доживет до 20–летнего возраста, а его шанс поступить в учреждение высшего образования – ниже 3 % [15, с. 1]. Таким образом, формируется своеобразный образовательный якорь, который также сдерживает развитие стран периферии и полупериферии, их переход к мир–системному ядру.

Просветительская деятельность международных организаций и усилия правительств развивающихся стран существенно повысили грамотность их населения в течение XX в., однако, это касается преимущественно начального образования. По состоянию на 2017 г. доля населения, имеющего начальное образование, в странах с низким уровнем человеческого развития достигла отметки 42,3 %, в группе стран со средним уровнем доходов – 66,5 %, с высоким уровнем доходов – 84,9 %, и с очень высоким – 93,5 %. Однако в сегменте высшего образования, которое отвечает за формирование высококвалифицированного специалиста, ситуация намного хуже. Доля населения с высшим образованием в странах с низким уровнем человеческого развития составляет лишь 3,2 % против 28,6 % в странах с очень высоким уровнем человеческого развития. При этом в течение последних 10 лет прирост специалистов с высшим образованием в последней группе составил 7,1 %, тогда как в первой – только 1,1 % [15, с. 8, 36]. Как следствие, страны, в которых уровень образованности населения значительно ниже (выпускники вузов составляют менее 5 % населения), вынуждены выполнять роль периферии в мировой экономической системе.

Разница в доходах населения в разных странах только усугубляет вышеуказанную геоэкономическую диспропорцию, «вымывая» наиболее квалифицированные кадры из развивающихся стран в развитые страны вследствие трудовой миграции. В 2017 г. скорректированный чистый национальный доход на душу населения в развитых странах (странах с высоким доходом на душу населения) был в 55 раз выше аналогичного показателя для стран с низким доходом на душу населения, в 19 раз выше, чем в странах с доходом на душу населения ниже среднего, и в 5 раз выше по сравнению со странами с доходом на душу населения выше среднего, а накануне мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. эти пропорции были еще больше: соответственно в 82, 31 и 9 раз. И, как следствие, показатели чистого притока рабочей силы в развитых странах на протяжении периода с 1962 по 2017 гг. были положительными, контрастируя с системным оттоком рабочей силы из развивающихся стран [16].

В то же время, начиная с середины 2000-х гг. и в большей степени после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., темпы миграции снижаются, реагируя на сокращение разрыва между доходами с одной стороны, и обуславливая это сокращение, с другой стороны. С нашей точки зрения, здесь можно отметить действие нескольких факторов.

Первый – замедление развития ведущих экономик мира. Это снижает разрыв между доходами населения как стимул к эмиграции. К тому же в настоящее время драйверами экономического роста в мире становятся развивающиеся страны. Если в послевоенный период развитые страны мира испытывали недостаток низкоквалифицированной рабочей силы, которая до сих пор остается основной базой миграционных потоков, то с перенесением многих производств в менее развитые страны этот вектор миграции стал слабее, потянув за собой снижение миграционной активности в целом. Сейчас развитые страны мира преимущественно формируют запрос на высококвалифицированную рабочую силу, прописывая такие условия в своем законодательстве, которые способны обеспечить ее приток. При этом постепенно снижается спрос на низкоквалифицированный труд, что обусловлено насыщением региональных рынков соответствующим ресурсом. Продолжение этого тренда можно ожидать в ближайшие десятилетия XXI века.

Второй фактор – технологический. Если в XX в. для работы на американскую корпорацию необходимо было переехать в США, то сегодня можно работать удаленно из любой точки мира. Gig-платформы, получив распространение во второй декаде XXI в., замедлили темпы международной миграции, по крайней мере в сегменте высококвалифицированного персонала. Безусловно, дальнейшее развитие gig-экономики только усилит эти тенденции. В то же время не стоит ожидать критического падения темпов миграции, особенно в сегменте высококвалифицированной рабочей силы, как и не стоит надеяться на существенные изменения ее векторов.

Учитывая это, можно прийти к выводу, что мир-системная структура глобальной экономики остается достаточно жесткой и вряд ли изменится в ближайшие 20–50 лет. Поэтому, как и раньше, можно будет наблюдать переток рабочей силы из развивающихся стран в развитые. Несмотря на рост уровня доходов

в первых (только в течение 1980–2008 гг. доля лиц, живущих за чертой бедности, сократилось более чем вдвое [17, с. 1577–1625]), именно благодаря такому росту процессы миграции в развитые страны сохраняют свою актуальность. Ведь увеличение доходов во многих развивающихся странах способствовало появлению в них так называемого среднего класса – населения, которое, удовлетворив базовые потребности низших ступеней пирамиды Маслоу, формирует запрос на блага высшего порядка: социальные гарантии, социальное признание, уважение, свободу самовыражения и т. д., которые многие развивающиеся страны обеспечить не могут из-за отсутствия эффективных общественных институтов. Как следствие, у высококвалифицированной рабочей силы появляются неэкономические стимулы к миграции, что еще в большей степени усиливает имеющиеся диспропорции в распределении человеческого капитала между странами, закрепляя их в текущих концентрических кругах мир–системы.

ВЫВОДЫ

По результатам исследования геоэкономической диспозиции сил различных национальных игроков глобального рынка, которые определяются их национальным богатством и стратегией приумножения последнего, можно сделать вывод об ожидаемом постоянстве состава и границ концентрических кругов мир–системного порядка организации глобальной экономики в XXI в.

Несмотря на изменение отдельных геоэкономических трендов в XXI в., в частности, преобразования стран периферии из аутсайдеров в лидеров экономического роста, усиление их вовлеченности в международное движение капитала, сокращение темпов миграции рабочей силы и т. п., с нашей точки зрения, не следует ожидать размывания границ между отдельными концентрическими кругами не только в ближайшем будущем, но и в долгосрочной перспективе. Имеющиеся технологические, образовательные, инфраструктурные барьеры являются достаточно эффективными для сохранения власти стран ядра над периферией, подчинения последней целям развития ядра мировой экономической системы.

Список литературы

1. Арин О. А. Мир без России. Серия: История XXI века. М. Эксмо, 2002. 480 с.
2. Lange G.–M., Wodon Q., Carey R. The Changing Wealth of Nations 2018: Building a Sustainable Future. [Электронный ресурс]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29001/9781464810466.pdf>
3. Делягин М. Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. М: ИНФРА–М, 2003. 768 с.
4. Шишков Ю. В. Глобализация экономики – продукт индустриализации и информатизации социума // Общественные науки и современность. 2002. № 2. С. 155–156.
5. Павленко Ю. Глобалізація та цивілізаційні зрушення сьогодні // Міжнародна економічна політика. 2005. Вип. 2. С. 102–118.
6. Геоэкономические сценарии развития и реструктуризации хозяйства России: монография / Под научной редакцией М. Г. Никитиной. Симферополь: ИП Корниенко А.А., 2020. 250 с.
7. The Global Innovation Index 2013. [Электронный ресурс]. URL: https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/economics/gii/gii_2013.pdf
8. The Global Innovation Index 2018. [Электронный ресурс]. URL:

https://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_gii_2019.pdf

9. Володин А. Г., Широков Г. К. Глобализация: истоки, тенденции, перспективы // ПОЛИС. Политические исследования. 1999. № 5. С. 83–93.

10. World Development Indicators (WDI). [Электронный ресурс]. URL: <https://datacatalog.worldbank.org/dataset/world-development-indicators>

11. GDP growth. The World Bank Data. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.PCAP.KD.ZG?end=2018&start=1960&view=chart>

12. Global Material Flows and Resource Productivity. Assessment Report for the UNEP International Resource Panel. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.resourcepanel.org/reports/global-material-flows-and-resource-productivity-database-link>

13. Total natural resources rents (% of GDP). The World Bank Data. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.TOTL.RT.ZS?locations=XD>

14. The Changing Wealth of Nations 2018. The World Bank. [Электронный ресурс]. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29001/9781464810466.pdf?sequence=4&isAllOwed=y>

15. Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. United Nations Development Programme. [Электронный ресурс]. URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf>

16. Net migration. The World Bank Data. [Электронный ресурс]. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SM.POP.NETM>

17. Chen S. Ravallion M. The Developing World is Poorer than we Thought, but no Less Successful in the Fight Against Poverty // Quarterly Journal of Economics. 2010. Vol. 125. Issue 4. P.1577–1625

18. Гаджиев К. С. Размышления о перспективах мир–системы // Власть. 2016. № 2. С. 5–13.

19. Варнавский В. Г. Трансформация мирового геоэкономического пространства в условиях реиндустриализации // Вестник Института экономики РАН. 2019. № 2. С. 119–133

Статья поступила в редакцию 07.12.2020